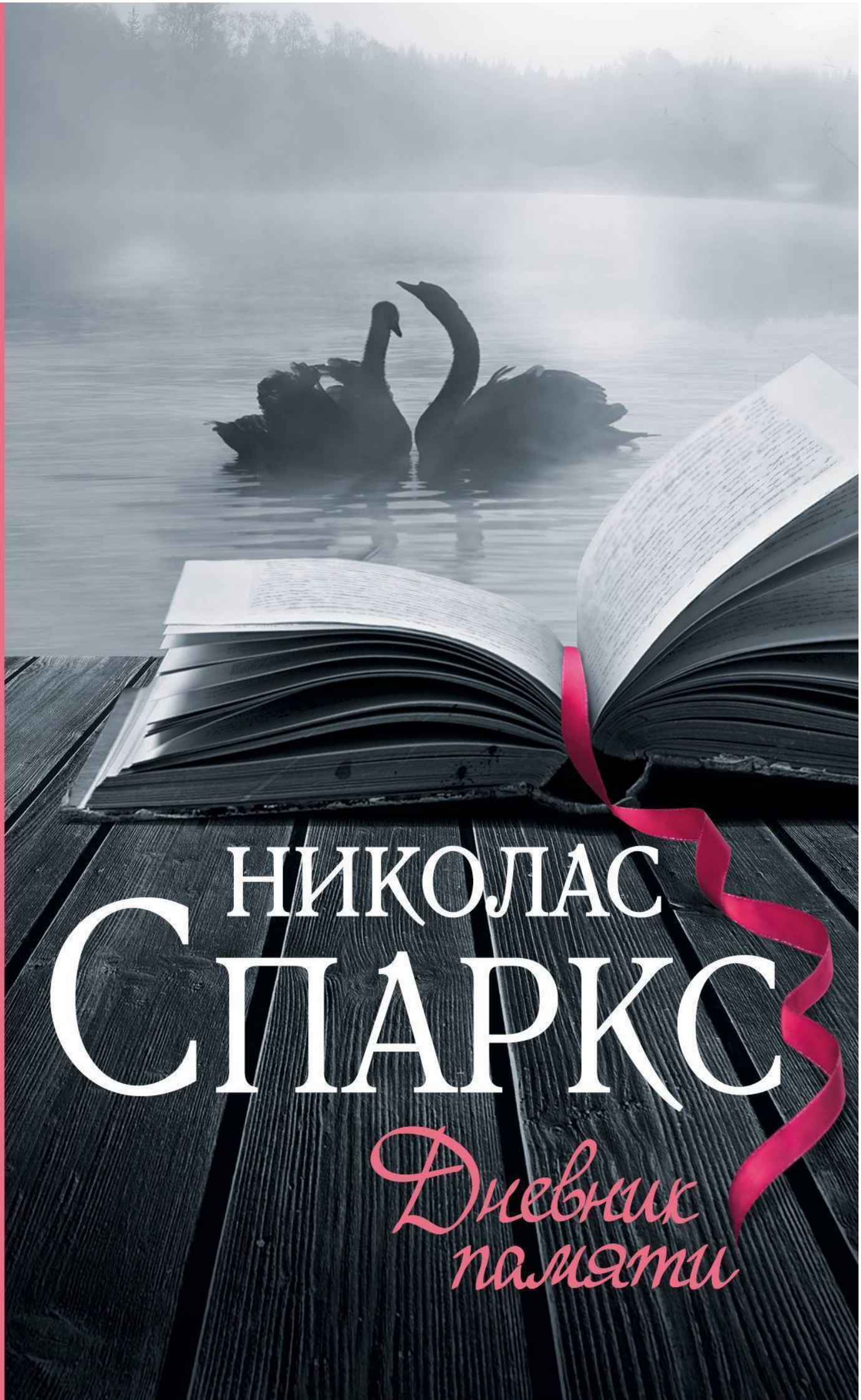
НИКОЛАС
СПАРКС
Дневник
памяти

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Дневник памяти

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44

Спаркс Н.

Дневник памяти / Н. Спаркс — «Издательство АСТ», 1996 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-079745-5

Это – не «любовный роман», а роман о любви. О любви обычных мужчины и женщины – таких, как мы… Почему же книга эта стала абсолютным бестселлером во всем мире? Почему она трогает душу читателей самого разного возраста и интеллектуального уровня? Как Николасу Спарксу удалось повторить сенсационный успех «Истории любви» и «Неспящих в Сиэтле»? Почему фильм, снятый по роману «Дневник памяти», имел огромный успех во всем мире? Объяснить это невозможно. Прочитайте «Дневник памяти» – и поймете сами!

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-079745-5

© Спаркс Н., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Чудеса 6
Духи прошлого 8
Встреча 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Николас Спаркс
Дневник памяти

Кэти, моей жене и другу, с любовью посвящается

Nicholas Sparks

THE NOTEBOOK

Перевод с английского А. Панасюк

Художественное оформление А. Орловой

Печатается с разрешения издательства Warner Books, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Nicholas Sparks, 1996

Эта книга увидела свет благодаря двум потрясающим людям, и я хотел бы поблагодарить их за то, что они сделали.

Тереса Парк, литературный агент, – спасибо за то, что вытащили меня из тьмы на свет. За доброту, терпение и долгие часы работы со мной. Никогда не забуду то, что вы для меня сделали.

Джеми Рааб, издатель, – спасибо за мудрость, юмор и великодушие. Вы очень мне помогли, и я счастлив называть вас своим другом.

Чудеса

Кто я такой? И чем, хотелось бы знать, закончится моя история?

Солнце только что взошло, а я уже сижу у окна, и дыхание моей уходящей жизни туманит стекло. Ну и видок у меня, наверное: две рубахи, теплые штаны, шея замотана шарфом, концы которого заправлены в теплый свитер – тридцать лет назад его связала мне одна из дочерей. Термостат в комнате жарит на полную, и, однако, в ногах у меня стоит еще один маленький обогреватель. Он пощелкивает, рычит и плюется горячим воздухом, словно миниатюрный сказочный дракон, а мне все равно холодно. Последнее время холод не покидает меня ни на минуту, причина тому – мои восемьдесят лет. «Восемьдесят!» – иногда думаю я, и хотя сама цифра не пугает, тем не менее забавно, что я не могу согреться с тех пор, как президентом был Джордж Буш-старший. Интересно, все ли мои ровесники чувствуют то же самое?

Прожитая жизнь… Трудно объяснять такие вещи. Когда-то я надеялся, что каждый мой день будет расцвечен новыми красками. Такого, к сожалению, не произошло, но и тоскливой мою жизнь не назовешь. Больше всего она напоминает удачно купленную акцию – хорошая сделка, выгодная, курс повышался день ото дня, а я ведь по опыту знаю, что далеко не каждый может похвастаться подобным. Поймите правильно – я обычный человек с обычными мыслями и жизнь прожил самую обыкновенную. Мне не поставят памятник, имя мое скоро забудется, и все же я познал любовь, и мне этого достаточно.

То, что происходит со мной сегодня, романтики назвали бы мелодрамой, а циники – трагедией. Сам я всегда считал, что в жизни сплелись и первое, и второе, и вообще, как там ни назови, мой путь – это мой Путь, и я о своем выборе не жалею. Не жалею ни о самом Пути, ни о том, куда он привел. Сотня других причин способна заставить меня стонать и жаловаться, но эта – никогда. Ни разу не допускал я даже мысли о том, что моя жизнь могла сложиться иначе.

Старость – плохой помощник, она пытается сбить с курса. И хотя Путь лежит передо мной такой же прямой, как и раньше, теперь он усыпан булыжниками и гравием, набравшимися за долгую жизнь. Всего три года назад я мог не обращать на них внимания, а теперь не выходит, как ни старайся. Тело мое изуродовано болезнью, я не здоров и не силен и сам себе напоминаю забытый где-нибудь в углу после праздника воздушный шарик – сдувшийся, дряблый, бесцветный.

Я кашляю, щурясь на часы. Пора. Покидаю свое место у окна и, шаркая, пересекаю комнату, не забыв захватить со стола блокнот, хотя все, что там написано, давно знаю наизусть. Сую его под мышку и выхожу из комнаты. Путь начался.

Шагаю по кафельным плиткам – серовато-белым, как мои седые волосы, как волосы большинства живущих здесь людей, хотя сейчас я иду по коридору в одиночестве. Остальные еще в своих комнатах, наедине с телевизором, они привыкли к этому, так же как и я. Человек ко всему привыкает, дайте только срок.

Вдалеке слышится сдавленный плач. Я знаю, кто это плачет.

Меня замечают медсестры, мы улыбаемся друг другу, желаем доброго утра. Мы все здесь друзья, часто болтаем о том о сем. Я знаю, что за спиной они шушукаются обо мне и о ритуале, которому я следую каждый день. И вот сейчас я вновь слышу:

– Вон он! Опять пошел.

– Сегодня все должно быть неплохо.

Правда, ни одна из них ничего не говорит в глаза. Думаю, сестры боятся разволновать меня, и, наверное, они правы.

Через минуту я приближаюсь к комнате. Дверь открыта специально для меня, как и каждый день. В комнате еще две медсестры, они улыбаются, когда я вхожу. «Доброе утро», – бодро приветствуют они, я тоже здороваюсь и не забываю спросить, как детишки, как школа, скоро

ли каникулы. Мы словно не обращаем внимания на непрекращающийся плач. Здесь к такому привыкли, привык и я…

Я сажусь в кресло, которое принимает меня в свои объятия. Медсестры почти закончили – хозяйка комнаты уже одета, но все еще плачет. Она немного успокоится, когда персонал уйдет, я-то знаю. Утренние процедуры всегда вгоняют ее в уныние, и сегодняшний день не исключение. В конце концов занавеска у кровати отодвигается, и медсестры направляются к двери. Проходя мимо, обе улыбаются и легонько похлопывают меня по плечу. Что бы это значило?

Несколько минут я просто сижу и смотрю на нее, однако ответного взгляда не дожидаюсь. Неудивительно – она ведь не знает, кто я такой. Для нее я чужак, незнакомец. Чуть-чуть отворачиваюсь и, склонив голову, молюсь – прошу у Господа сил, которые мне ой как понадобятся. Я всегда верил в Бога и в силу молитвы, хотя теперь, когда конец уже близок, частенько задаюсь вопросом: воздастся ли мне по вере моей, когда я окажусь там, по другую сторону жизни?

Вот я и готов. Очки – на нос, лупу – на стол, открываю блокнот. Приходится дважды лизнуть искореженный палец, чтобы потертая страничка наконец открылась. Теперь беру лупу в руки.

И как всегда, перед началом чтения меня заботит один-единственный вопрос: выйдет ли у меня сегодня? Я никогда не знаю этого наверняка, и, в сущности, это не имеет значения. Вероятность, а не уверенность – вот что ведет меня по пути, иногда я напоминаю себе азартного игрока. Можете считать, будто я мечтатель или глупец, но я верю: в этом мире все возможно.

Да, наука против меня. Правда, наука тоже не все знает, я понял это давным-давно. И поверил, что чудеса – не важно, сколь невероятными и необъяснимыми они кажутся, – случаются, кто бы что ни говорил. И поэтому сегодня, как и каждое утро, я начинаю читать вслух: громко, чтобы слышала плачущая женщина, в надежде на то, что чудо, однажды явившееся в мою жизнь, придет снова, пусть и ненадолго.

Может быть, сегодня?

Духи прошлого

Теплым октябрьским вечером 1946 года, сидя на веранде, со всех сторон опоясывающей дом, Ной Кэлхоун любовался закатом. Он с удовольствием оставался здесь в сумерки, отдыхая после тяжелого трудового дня и позволяя мыслям течь, куда им заблагорассудится, вольно, без всякой цели. Эту привычку Ной унаследовал от отца.

Больше всего ему нравилось смотреть на деревья и на их отражение в водах реки. Природа Северной Каролины особенно хороша осенней порой – все оттенки зеленого, красного, золотого, оранжевого. Разноцветная листва пылала яркими цветами, вспыхивая на солнце, и Ной в который раз подумал о прежних хозяевах дома – интересно, а сидели они вот так на веранде, любуясь окружающей красотой?

Дом построили в 1772 году, это было одно из старейших и огромнейших зданий в Нью-Берне. В свое время в нем жил местный плантатор, а Ной купил дом сразу после войны и потратил целый год и почти все свое небольшое состояние, чтобы привести его в порядок. Несколько недель назад репортер из Роли[1] даже написал об этом заметку, в которой говорилось, что столь удачная реставрация – случай довольно редкий. Ной был с ним полностью согласен. Во всяком случае, в том, что касается дома. Остальная усадьба выглядела гораздо плачевнее, и именно там Ной проработал бóльшую часть дня.

Дом стоял на двенадцати акрах земли, примыкающих к реке Брайсес-Крик, и последние дни его хозяин старательно поправлял обветшавшую изгородь, окаймлявшую собственность с трех сторон, – выискивал гнезда термитов, менял окончательно сгнившие столбики. Работы оставалось непочатый край, особенно с восточной стороны, и сегодня, откладывая инструменты, Ной решил заказать побольше досок. Вошел в дом, выпил стакан сладкого чаю и залез в душ. Он любил принимать душ после работы – вода смывала и грязь, и усталость.

Ной зачесал назад влажные волосы, натянул потертые джинсы и голубую рубашку, налил себе еще стакан чаю и уселся с ним на веранде, где сиживал каждый вечер.

Он потянулся, подняв руки над головой, повел плечами… Хорошо! После душа он чувствовал себя посвежевшим, только слегка ныли натруженные за день мышцы. Ной знал, что завтра с трудом встанет с постели, однако чувствовал удовлетворение от того, что успел сделать почти все намеченное.

Он взял гитару и почему-то вспомнил отца. Как же его не хватает!.. Ной провел пальцами по струнам, подтянул колки и снова проверил звучание. Вот теперь хорошо, можно играть. Ной тихонько замычал себе под нос, потом запел, вглядываясь в надвигающиеся сумерки. Так он пел и играл, пока солнце не село и все вокруг не погрузилось во тьму.

Было около семи, когда Ной отложил гитару и начал тихонько раскачиваться в кресле-качалке. Привычно смотрел на небо, на мерцающие звезды – Орион и Большая Медведица, Близнецы и Полярная звезда…

Попытался было подсчитать расходы, но быстро бросил – и так знал, что потратил на ремонт все сбережения и вскоре придется искать работу. Что ж, придется так придется, а пока можно получать удовольствие от отдыха и ни о чем не горевать. Когда возникнет нужда, обязательно что-нибудь подвернется, это точно, всегда так бывало. А мысли о деньгах навевали одну скуку. С детства Ной умел наслаждаться простыми радостями жизни, теми, что не продашь и не купишь, и с трудом понимал людей, которые считали по-другому. Это был еще один дар, унаследованный им от отца.

Появилась Клем, охотничья собака Ноя, лизнула ладонь хозяина и растянулась у его ног.

---

[1] Роли – столица штата Северная Каролина. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Привет, девочка, как дела? – ласково спросил Ной, потрепав псину по голове. Она нежно взвизгнула в ответ, преданно глядя на него карими глазами. Клем потеряла лапу в автокатастрофе и тем не менее бойко бегала на оставшихся трех и охотно составляла Ною компанию по вечерам.

Ною недавно исполнилось тридцать один. Не сказать, чтобы много, хотя достаточно, чтобы заиметь семью. Однако с тех пор, как Кэлхоун вернулся в эти места, он не встречался с женщинами. Не специально – просто ни одна не зацепила. Сам виноват. Что-то удерживало его от близких отношений, заставляло прекращать встречи с любой женщиной, которая начинала претендовать на что-либо серьезное. Что-то, чего он не мог бы побороть, даже если б захотел. Иногда перед сном Ной задумывался: а не обречен ли он на одиночество до конца дней?

Вечер плавно перешел в ночь – теплую, волшебную. Ной слушал стрекотание сверчков и похрустывание подсыхающих листьев, думая, что звуки природы натуральнее и приятнее уху, чем гул машин и самолетов. Природа отдает больше, чем забирает, и ее звуки напоминают человеку, для чего он пришел в этот мир. На фронте, особенно после тяжелого сражения, Ной часто вспоминал эти простые звуки. «Они помогут тебе не сойти с ума, – говорил отец, провожая его на войну. – Это Божья музыка, слушай ее, и она приведет тебя домой».

Ной допил чай, вошел в дом, выбрал книгу и вернулся на веранду, включив по дороге свет. Снова уселся в кресло и раскрыл изрядно потрепанный томик – обложка кое-где разорвана, страницы покрыты пятнами. Это были «Листья травы» Уолта Уитмена*, книга, которая прошла с Ноем всю войну. Даже как-то раз получила пулю, предназначенную владельцу.

Ной стряхнул пыль с обложки и открыл книгу наугад. Прочел:

«Это твой час, о душа, твой свободный полет
в бессловесное,
Вдали от книг, от искусства, память о дне изглажена,
урок закончен,
И ты во всей полноте поднимаешься, молчаливая,
пристально смотрящая, обдумывающая самые
дорогие для тебя темы —
Ночь, сон, смерть и звезды»[2].

Он улыбнулся. По непонятной причине Уитмен всегда напоминал ему о Нью-Берне, и Ной был рад, что наконец вернулся сюда. Хотя он и пробыл на чужбине целых четырнадцать лет, дом все равно остался домом, многих соседей Ной знал с детства. Неудивительно – в южных городках люди мало меняются, они просто чуть-чуть стареют.

Его лучшим другом здесь стал Гас, семидесятилетний старик негр, живущий дальше по дороге. Они познакомились через пару недель после того, как Ной купил дом, – однажды Гас просто возник на пороге с бутылкой домашней наливки и миской тушеной баранины по-брансуикски[3]. Новые приятели от души надрались и поведали друг другу немало интересного.

Теперь Гас захаживал раза два в неделю, обычно около восьми. Живя с четырьмя детьми и одиннадцатью внуками, он просто-напросто сбегал из дома, и Ной не мог его за это осудить. Сосед приносил с собой губную гармонику, и, поболтав немного, они играли дуэтом. Иногда часами.

Выходило, что Гас заменил Ною семью. У Кэлхоуна больше никого не было, во всяком случае, с тех пор, как умер отец. Мать ушла еще раньше, когда Ною исполнилось всего два года, братьев и сестер у него не было. Правда, однажды он хотел жениться, да не вышло.

---

[2] Перевод А. Старостина.

[3] Тушеная баранина по-брансуикски – популярное блюдо американского Юга.

Узнал Ной и любовь. Однажды, и только однажды, много лет назад. В этом он был уверен, и та любовь изменила его навсегда, а значит, она была настоящей.

Тяжелые облака медленно поползли по темному небу, серебрясь в свете луны. Ной откинул голову на спинку кресла, его ноги отталкивались от пола привычно, механически, размеренно раскачивая качалку. И как обычно, он унесся мыслями к такому же теплому вечеру четырнадцатилетней давности.

1932 год. Он только что окончил школу и пришел повеселиться на ежегодный городской фестиваль. Весь город высыпал на улицы, люди угощались и отдыхали. Ночь была жаркой и влажной – почему-то Ною это запомнилось. Он пришел на праздник один и, побродив в толпе в поисках знакомых, наткнулся на Фина и Сару, своих старых приятелей. Рядом с ними стояла незнакомая девушка. «Хорошенькая», – подумал Ной тогда и подошел. Девушка подняла на него задумчивые глаза. «Привет, – просто сказала она, протянув руку. – Финли много о тебе рассказывал».

Обычные слова, Ной не обратил бы на них никакого внимания, произнеси их кто-то другой. Но с той самой секунды, как пожал руку девушки и заглянул в ее изумрудные глаза, Ной почувствовал, что такой больше не найдет, даже если будет искать всю жизнь. Такой прекрасной, такой нежной – как летний ветерок, колышущий верхушки деревьев.

Ноя будто вихрем закружило. Фин сказал, что девушка проводит лето в Нью-Берне со своей семьей. Ее отец приехал сюда по делам службы – он работает в табачной компании «Р. Дж. Рейнолдс». Ной только кивнул, и взгляд новой знакомой сказал ему, что она верно расценила его молчание. Фин ухмыльнулся, заметив, что происходит с другом, а Сара предложила купить еще кока-колы, и они вчетвером пробродили по улицам до той поры, когда толпы стали редеть, а магазины – закрываться на ночь.

Ной и та девушка встретились на следующий день и на следующий, а затем стали неразлучны. Каждое утро, кроме воскресного, когда надо было идти в церковь, Ной старался пораньше закончить все дела и летел в парк Форт-Тоттен, где его уже ждала подруга. Девушка никогда раньше не бывала в маленьком городке, и они проводили день за днем в новых для нее занятиях. Ной учил ее удить рыбу и водил гулять в лес. Они сплавлялись по реке на каноэ и даже попали в грозу. Ною казалось, что он знает эту девушку всю жизнь.

Но и она нашла чему поучить приятеля. На танцах, которые время от времени устраивались в одном из табачных амбаров, именно она показала ему основные па вальса и чарльстона, и хоть поначалу Ной спотыкался, терпение и доброжелательность наставницы взяли свое – вскоре они вполне уверенно кружились среди других пар. Позже Ной проводил ее домой, а там, на веранде, когда они желали друг другу спокойной ночи, решился поцеловать. И тут же пожалел, что не сделал этого раньше. В один из летних вечеров он привел ее к тому дому, в котором жил сейчас, заброшенному и развалившемуся, и рассказал, что в один прекрасный день купит его и отремонтирует. Они часами поверяли друг другу свои мечты – он хотел посмотреть мир, она – выучиться на художницу, и однажды душной августовской ночью они наконец-то стали близки. Три недели спустя она уехала, забрав с собой часть его души и остаток лета. Дождливым ранним утром он проводил увозивший ее поезд глазами, покрасневшими от бессонной ночи, потом вернулся домой, собрал рюкзак и пробыл следующую неделю в одиночестве на острове Харкер.

Ной взъерошил волосы и посмотрел на часы. Двадцать минут девятого. Он поднялся и взглянул на дорогу. Гаса не было видно. Наверное, сегодня не придет, решил Ной и вновь уселся в качалку.

Он рассказывал Гасу о своей любви. Когда это случилось впервые, старик покачал головой и рассмеялся:

– Так вот от какого воспоминания ты бежишь.

Когда Ной спросил, что он имеет в виду, Гас объяснил:

– Ну, воспоминание, дух прошлого, что ли. Я видел, как ты вкалываешь день и ночь, совсем себя не жалеешь. Я верно знаю – люди делают это по трем причинам: либо они дураки, либо психи, либо стараются что-то забыть. Ты не дурак, не псих, стало быть, забыть пытаешься. Я только не знал, что именно.

Ной припомнил тот разговор и подумал, что Гас прав. Нью-Берн стал городом духов, духов его памяти. Любимая девушка чудилась Ною везде, особенно в парке Форт-Тоттен – излюбленном месте их совместных прогулок. То она сидела на скамейке, то стояла у ворот – всегда улыбающаяся, светлые волосы до плеч, глаза цвета изумрудов. Когда же Ной, как сейчас, оставался на веранде с гитарой, она, казалось, тихо сидела рядом и слушала музыку его детства.

И то же случалось, когда он заходил в их любимое кафе, или в кинотеатр, или даже просто бродил по улицам. Везде его преследовал милый образ, все воскрешало ее черты.

Глупо, конечно, и Ной отлично это сознавал. Он родился в Нью-Берне, прожил тут семнадцать лет, но, когда думал о своем городе, вспоминал лишь то последнее лето, лето, проведенное с НЕЙ. Другие воспоминания превратились в мозаику неясных обрывков, и большинство из них, если не все, не будили у Ноя никаких чувств.

Как-то он поделился своим удивлением с Гасом, и негр не только понял его, но и объяснил, в чем дело.

– Мой отец, – сказал Гас, – говорил, бывало, что первая любовь меняет всю твою жизнь. Ее не забудешь, как ни старайся. Та девушка стала твоей первой любовью и, что ни делай, останется с тобой навсегда.

Ной встряхнул головой, прогоняя воспоминания, и когда любимый образ потускнел, вернулся к Уитмену. Около часа он читал, время от времени поднимая глаза, чтобы увидеть опоссумов и енотов, шастающих возле воды. В половине десятого Ной захлопнул книгу, поднялся в спальню и описал в дневнике все, что случилось за день, не забыв упомянуть работы по ремонту дома. Сорок минут спустя он уже спал. По ступенькам поднялась Клем, обнюхала спящего хозяина и, покрутившись, улеглась у ножек его кровати.

* * *

В тот же вечер, только чуть пораньше и за тысячи километров от Ноя, на веранде, опоясывающей дом ее родителей, сидела, подогнув под себя одну ногу, молодая женщина. Скамейка была слегка влажной: только что прошел дождь, сильный, резкий, а теперь облака уплывали, и она смотрела им вслед, размышляя о своем решении. Уже несколько дней она пыталась побороть странные мысли и желания, и исключением не был даже сегодняшний вечер. В глубине души она твердо знала, что, если упустит возможность выполнить задуманное, никогда не простит себе малодушия.

Лон и не подозревал об истинной причине ее завтрашнего отъезда. Неделю назад она обмолвилась, что ей надо съездить на побережье – заглянуть в парочку-другую антикварных магазинов. «Всего лишь на пару дней, – добавила она. – Кроме того, мне просто необходимо отдохнуть от предсвадебной суматохи». Обманывать жениха было неприятно, но она не могла сказать ему правду. Отъезд никоим образом не связан с Лоном, и причину его он понять не захочет, как ни объясняй.

Нужный городок находился совсем недалеко от Роли – всего-то два часа езды, и она прибыла на место около одиннадцати. Остановилась в маленькой гостинице в центре города, зарегистрировалась, поднялась в номер, развесила в шкафу одежду, разложила кое-что по ящикам, потом сошла вниз – пообедать и заодно расспросить официантку о ближайших антикварных магазинах. Несколько часов потратила на покупки и к половине пятого оказалась совершенно свободна.

Усевшись на край кровати, женщина подняла телефонную трубку и позвонила Лону. Он не мог долго разговаривать – был занят в суде. Она продиктовала ему телефонный номер гостиницы и сама тоже пообещала позвонить на следующий день. «Прекрасно, – подумала она, вешая трубку. – Обычный, будничный разговор. Он ничего не заподозрит».

Они были знакомы уже четыре года, с 1942-го, со времен войны, которой не избежала и Америка. Каждый старался помочь чем мог, и она тогда добровольно работала в госпитале. Работа была необходимой и приносила удовлетворение, хотя оказалась труднее, чем ей представлялось сначала. В госпитали хлынула первая волна раненых – совсем молоденьких солдат, – и дни были заполнены истерзанными телами и покореженными душами. Когда Лон со свойственным ему шармом представился ей на какой-то рождественской вечеринке, она нашла в нем все, в чем нуждалась: уверенность в завтрашнем дне и чувство юмора, дающее возможность забыть страхи.

Кроме того, Лон был на восемь лет старше, красив, образован и обаятелен. Отличный адвокат, он страстно любил свою работу, выигрывал большую часть судебных дел и, несмотря на молодость, успел сделать себе громкое имя. Она понимала и принимала его стремление к известности и славе – большинство мужчин ее круга, в том числе и ее собственный отец, были слеплены из того же теста. В кастовом обществе американского Юга происхождение и положение в обществе играют огромную, если не первоочередную, роль в выборе мужа или жены.

И хотя с самого детства она бунтовала против такого положения вещей и даже встречалась с парой-тройкой парней, которых все окружающие считали «неподходящими», она как-то сразу признала, а потом и полюбила Лона. Он был добр и внимателен к ней; одна беда – слишком много работал. Настоящий мужчина, ответственный и солидный, Лон поддерживал ее в страшные годы войны, когда подруга особенно в этом нуждалась. С ним она чувствовала себя защищенной и, принимая сделанное им предложение, была твердо уверена в его любви.

Воспоминания вызвали острое чувство вины. Она подумала, что, возможно, стоит снова упаковать вещи и уехать, пока настроение не переменилось. Однажды она уже так поступила, однако если сделает то же самое и теперь, то никогда больше не соберется с силами, чтобы вновь приехать. Она неуверенно нашарила сумочку и чуть не двинулась к двери. Затем, вспомнив обстоятельства, приведшие ее сюда, остановилась, потрясенная мыслью о том, что, если сейчас уедет, всю жизнь будет мучиться, пытаясь представить, что могло бы случиться, если бы… И как жить с такой ношей?

Она прошла в ванную комнату и открыла кран. Затем вернулась в комнату, к туалетному столику, снимая на ходу золотые сережки. Нашла косметичку и вытащила оттуда бритву и кусок мыла. Разделась и встала перед зеркалом, внимательно рассматривая свое обнаженное тело.

С детских лет все кругом называли ее красавицей. И не зря – тело хорошо сложено, с округлыми грудями, плоским животом и стройными ногами. От матери она унаследовала чистую кожу, белокурые волосы и высокие скулы, но самой привлекательной чертой были глаза – «словно океанские волны», как любил говаривать Лон.

Взяв мыло и бритву, она вернулась в ванную, закрутила кран, положила полотенце так, чтобы легко достать, и осторожно залезла в воду.

Вода приятно расслабляла, и женщина скользнула поглубже. День оказался длинным и непростым, спина затекла, и все же, к счастью, покупки заняли не много времени. В Роли следует возвратиться с чем-то стоящим, и то, что она купила, прекрасно подойдет. Мысленно взяла себе на заметку узнать названия еще нескольких магазинов, затем опомнилась – Лон и так не будет ее проверять!

Она потянулась за мылом, взбила пену и начала брить ноги, размышляя, как бы на ее выходку отреагировали родители. Рассердились бы, конечно, особенно мама. Она никогда не одобряла того, что случилось с дочерью тем летом, и сейчас не одобрила бы, как ни объясняй.

Женщина еще немного понежилась в ванне, потом вылезла, вытерлась полотенцем. Подошла к шкафу выбрать платье и сняла с плечиков длинное желтое, чуть приспущенное спереди по моде Юга. Надела его, покрутилась перед зеркалом. Платье сидело отлично, изящно подчеркивая ее женственность, и тем не менее она решила поменять его на что-нибудь попроще и повесила обратно.

Достала другое – голубое с кружевом, менее вычурное, на пуговках спереди. И хотя это платье выглядело гораздо более буднично, оно как-то больше подходило к случаю.

Подкрасилась – совсем капельку теней на веки да чуточку туши, чтобы подчеркнуть глаза. Теперь духи, тоже совсем чуть-чуть. Разыскала и вдела в уши небольшие сережки-колечки, на ноги надела коричневые сандалии на небольшом каблучке – те, в которых была все утро. Причесала светлые волосы, заколола их наверх, посмотрелась в зеркало. Нет, нехорошо. Снова распустила волосы по плечам – вот так гораздо лучше.

Закончив, сделала шаг назад и придирчиво оглядела свое отражение. То, что нужно – не слишком изысканно, но и не слишком повседневно. Она не хотела произвести неверное впечатление. В конце концов, неизвестно, чего ожидать. Это было так давно, невероятно давно, что угодно могло случиться с тех пор, всего и не угадаешь.

Она перевела взгляд на руки и увидела, что они дрожат. Смешно. Ее никогда нельзя было обвинить в излишней чувствительности. Так же как и Лон, она всегда была очень самоуверенна, даже в детстве. Иногда это создавало ей проблемы во время свиданий – отпугивало большинство мальчиков ее возраста.

Взяла сумочку и ключи от машины, не забыла и ключ от номера. Нервно покрутила его в пальцах. Сказала себе: «Ты зашла слишком далеко, отступить сейчас было бы глупостью», – и тут, вместо того чтобы выйти, вернулась и села на кровать. Взглянула на часы – почти шесть. Пора идти, ведь не хочется возвращаться в темноте. Нет, еще минуточку.

– Черт, – прошептала она, – зачем я вообще приехала? Нечего мне здесь делать! Совершенно нечего!

Однако она сама знала, что это неправда. Знала, что собирается делать и ответы на какие вопросы хочет получить.

Она открыла сумку и нашарила там сложенную в несколько раз газетную вырезку. Медленно, почти благоговейно вытащила ее, развернула, стараясь не порвать, и несколько секунд молча смотрела на знакомую статью.

– Вот, – пробормотала она. – Вот за этим я и приехала!

* * *

Ной поднялся в пять и около часа, как и каждое утро, плавал на своем каяке. Когда вернулся, переоделся, разогрел вчерашние бисквиты, сгрыз пару яблок и запил завтрак двумя чашками кофе.

Он, как и вчера, занялся починкой изгороди, заменяя подгнившие доски новыми. Стояло бабье лето, столбик термометра подползал к восьмидесяти[4], к обеду Ной вспотел, устал и рад был возможности передохнуть.

Поел тут же, на берегу, глядя, как в реке играет кефаль. Ною нравилось наблюдать, как рыбы два-три раза подпрыгивают и скользят в воздухе, прежде чем шлепнуться обратно в воду.

[4] По шкале Фаренгейта. Около двадцати пяти градусов по Цельсию.

Его почему-то всегда изумляла мысль о том, что их инстинкты не менялись в течение последних тысяч, а то и десятков тысяч лет.

Иногда он задумывался, изменились ли за это время человеческие инстинкты, и приходил к выводу, что нет. Во всяком случае, в каких-то основных, животных проявлениях люди те же. Агрессивны, стремятся завоевать мир. Война в Европе и с Японией – очередное этому доказательство.

Ной закончил работу около трех и отправился к небольшому сараю, стоявшему у причала. Вошел внутрь, отыскал леску, пару блесен. Наловил кузнечиков, уселся на пристани и закинул удочку.

Рыбалка всегда настраивала его на философский лад. Вот и сейчас он задумался о своей жизни. После смерти матери родственники перекидывали его из дома в дом. Ребенком он жутко заикался, и сверстники нередко дразнили смешного мальчугана. Ной замкнулся, перестал разговаривать и к пяти годам замолчал вообще. Когда он пошел в первый класс, учителя решили, что мальчик отстает в развитии, и порекомендовали забрать его из школы.

К счастью, отец наконец-то взял дело в свои руки. Оставил сына в школе, а после уроков стал брать с собой на лесосеку, где работал, – подбирать и складывать деревяшки. «Неплохо побыть немного вместе, – говорил он. – Так и мне мой папаня, бывало, говорил».

За работой отец рассказывал Ною о повадках зверей и птиц или вспоминал истории и легенды Северной Каролины. Несколько месяцев спустя мальчик вновь заговорил, хотя и не слишком бегло. Отец решил, что сыну поможет чтение стихов. «Научись хорошенько читать вслух, и у тебя не будет проблем в любом разговоре». Отец снова оказался прав – в течение года от заикания не осталось и следа. Однако Ной по-прежнему приходил к отцу на работу – просто чтобы побыть рядом, – а по вечерам читал вслух Уитмена и Теннисона. Отец слушал, медленно покачиваясь в кресле-качалке. С тех самых пор Ной полюбил поэзию.

Повзрослев, он проводил большую часть выходных и каникул в одиночестве. Сплавлялся вдоль леса на своем первом каноэ, преодолевая около тридцати километров по Брайсес-Крик, и, когда места становились совсем уж непроходимыми, проделывал оставшуюся часть пути пешком – до самого побережья. Странствия по новым, неизведанным краям были его страстью, и он часами бродил по лесу или сидел под дубом, тихонько насвистывая или наигрывая на гитаре. Единственными его слушателями оказывались бобры, гуси и голубые цапли. Любой поэт скажет, что уединение возвышает душу.

Хоть он и был тихоней, годы тяжелой работы на лесосеке сделали свое дело – Ною легко давались многие виды спорта, а такие ребята всегда популярны в школе. Ему нравились футбол и легкая атлетика. Впрочем, хотя его товарищи по команде проводили вместе и свободное время, Ной редко к ним присоединялся. Но никто не называл его высокомерным, скорее считалось, что он несколько взрослее сверстников. Несколько раз Ной даже заводил подружек, и все же ни одна из них не тронула его сердца. Это удалось только Элли.

Его Элли.

Ной припомнил ночь после праздника и разговор с Фином. Фин хохотал тогда и пророческим тоном предсказывал, что, во-первых, Ной и Элли неминуемо влюбятся друг в друга, а во-вторых, из этого ничего не выйдет.

Ною показалось, что клюнуло. Уж не окунь ли?.. Увы, поплавок замер.

Предсказания Фина сбылись. Большую часть лета Элли только и делала, что извинялась перед родителями за то, что опять виделась с Ноем. Не то чтобы парень им не нравился, нет, он просто был не их круга, слишком беден, им не хотелось, чтобы у дочери возникло к нему хоть сколько-нибудь серьезное чувство. «А мне наплевать, что думают родители, – упрямо говорила Элли. – Я люблю тебя и никогда не брошу. Мы все равно будем вместе!»

И все же они расстались. В начале сентября, когда урожай табака был собран, Элли пришлось возвратиться в Уинстон-Сэйлем вместе с семьей. «Кончилось лето, но не наша любовь, –

сказал ей Ной в минуту расставания. – Наша любовь – навеки». И это не сбылось. По непонятным Ною причинам Элли не ответила ни на одно из его писем.

Он решил уехать из Нью-Берна, надеясь, что новые впечатления вытеснят из головы образ Элли. К тому же наступала Великая депрессия, и зарабатывать на жизнь становилось все сложнее и сложнее. Сначала Ной отправился в Норфолк и полгода работал на овечьей ферме, а когда работы не стало и там, двинулся в Нью-Джерси, где, по слухам, дела шли лучше.

Он тут же нашел место в фирме, которая занималась сбором утиля, – отделял металлолом от всего остального. Хозяин, старый еврей, которого звали Моррис Голдман, был уверен, что металлолом скоро пригодится: в Европе назревала война, в которую неизбежно окажется втянутой и Америка. Ною было наплевать – он просто радовался, что нашел работу.

За годы, проведенные на лесосеке, Ной привык к тяжелому физическому труду и старался изо всех сил. Не только потому, что это на самом деле помогало забыть про Элли, но и потому, что иначе не умел. Отец часто повторял: «Работай честно. Не отработать зарплату – то же, что своровать».

Хозяину это нравилось. «Ай-ай, такой хороший мальчик, и вот беда – не еврей!» – сокрушался старый Голдман. В его устах это был высший комплимент.

Ночью мысли об Элли возвращались. Раз в месяц Ной писал ей и тщетно ждал ответа. Наконец он заставил себя признать, что проведенное вдвоем лето останется единственным воспоминанием о девушке, и написал еще одно, прощальное письмо.

А забыть ее так и не смог. Три года спустя Ной поехал в Уинстон-Сэйлем в надежде отыскать Элли. Нашел ее дом и, обнаружив, что семья переехала, сначала попытался узнать у соседей новый адрес, а потом позвонил в «Р. Дж. Рейнолдс». К телефону подошла новенькая девушка-секретарь, она не слышала прежде названной Ноем фамилии, но любезно предложила поискать в архивах. Оказалось, что отец Элли уволился, не оставив никаких координат. На этом Ной и закончил поиски.

Еще восемь лет он работал на Голдмана. Сначала простым рабочим – весь персонал компании составлял тогда двенадцать человек, – потом фирма разрослась, и к 1940 году Ной практически вел весь бизнес: под началом у него состояло тридцать человек. Голдман стал крупнейшим сборщиком металлолома на всем восточном побережье.

Женщин Ной не чурался. С голубоглазой и темноволосой официанткой из соседней кафешки у него даже возникли серьезные отношения. Они встречались два года и были довольны друг другом, но Ной так и не ощутил ничего похожего на то чувство, которое питал когда-то к Элли.

Новая знакомая была несколькими годами старше Ноя и с удовольствием учила его науке любви – где погладить, как поцеловать, какие слова прошептать на ушко. Иногда они весь день проводили в объятиях друг друга и расставались вполне довольные.

Официантка понимала, что у них нет общего будущего. Как-то, незадолго до расставания, она сказала Ною: «Хотела бы я дать тебе то, что ты ищешь, да что это – понять не могу. Часть твоего сердца закрыта от всех, включая меня. Ты не со мной, даже когда мы вместе. Ты с кем-то еще».

Ной было заспорил, но она только рассмеялась: «Я – женщина, меня не проведешь. Бывает, смотришь на меня так, словно ждешь, будто я по мановению волшебной палочки превращусь в *нее*…» Через месяц официантка сообщила ему, что повстречала другого. Ной не обиделся. Они расстались друзьями, и на следующий год молодой человек получил от нее открытку с сообщением о свадьбе.

Раз в год, на Рождество, Ной навещал отца. Они много разговаривали, ходили на рыбалку, иногда путешествовали по побережью.

Голдман оказался прав – в декабре 1941-го, когда Ною исполнилось двадцать шесть, японские самолеты нанесли коварный удар по военно-морской базе Перл-Харбор, началась

война. Через месяц Ной явился в офис хозяина и сообщил, что записался добровольцем. Потом съездил в Нью-Берн – попрощаться с отцом. Несколько недель спустя он уже был в лагере для новобранцев. Там его нашло письмо от Голдмана, с благодарностью за работу и сертификатом, удостоверяющим право Ноя на небольшие проценты, в случае если фирма Голдмана когда-нибудь будет продана. «Без вас я ничего не добился бы, – писал бывший хозяин. – Вы очень порядочный молодой человек, хоть и не еврей».

Следующие три года Ной провел в составе 3-й армии генерала Паттона[5] в пустынях Северной Африки и лесах Европы с полной выкладкой за спиной. Пехотинцев всегда бросали в самые тяжелые бои. Кругом погибали друзья, находя последний приют в тысячах километров от дома. Однажды, когда Ною пришлось прятаться в каком-то укрытии неподалеку от Рейна, ему показалось, что за ним незримо следит Элли.

Наконец война окончилась – сначала в Европе, а через несколько месяцев и в Японии. Незадолго до увольнения Ной получил письмо из Нью-Джерси – от адвоката, ведущего дела Морриса Голдмана. При встрече с юристом Ной узнал, что старик Голдман умер, дело его продано, а самому Ною причитается около семидесяти тысяч долларов. Известие он встретил со странным равнодушием.

Уже через неделю Ной вернулся в Нью-Берн и купил дом. В первые же дни он привел туда отца – рассказать о своих планах, показать, какие наметил изменения. Отец казался слабым, он хрипло кашлял, бродя вокруг дома. Ной заволновался было, но Кэлхоун-старший успокоил его, уверив, что просто-напросто подхватил простуду.

И месяца не прошло, как отец Ноя умер. Воспаление легких. Его похоронили на местном кладбище, рядом с женой, и Ной часто заезжал туда – оставить букет цветов, а иногда и записку. И каждую ночь он молился за человека, который научил его всему, что важно в этой жизни.

Вытащив удочку, Ной отложил ее в сторону и вернулся к дому. Там его поджидала соседка, Марта Шоу, с тремя буханками домашнего хлеба и пирожками – в благодарность за то, что он сделал для нее несколько дней назад. Муж Марты погиб на войне, не оставив после себя ничего, кроме троих детей да старой развалюхи, где Марта их растила. На прошлой неделе Ной провел у соседей несколько дней – подлатал крышу, заменил разбитые окна и заклеил целые, укрепил дровяной сарай. Теперь, Бог даст, зиму домишко продержится.

Проводив гостью, Ной залез в потрепанный «додж» и поехал к Гасу. Он всегда заезжал туда по дороге в магазин – у семьи Гаса своей машины не было, и одна из его дочерей обычно отправлялась с Ноем за покупками. Вернувшись, Ной не стал сразу распаковывать продукты. Вместо этого принял душ, нашел бутылку пива «Будвайзер» и томик Дилана Томаса*, а затем выбрался на веранду – посидеть.

Несмотря на доказательства, она никак не могла поверить в реальность случившегося.

Раннее воскресное утро в доме ее родителей. Она заходит на кухню – выпить чашку кофе. Отец сидит за столом с газетой в руках. «Помнишь?» – улыбаясь, указывает он на маленькую фотографию рядом с одной из статей. Протягивает ей газету. Она равнодушно смотрит на фото и вдруг застывает на месте. «Не может быть!» – шепчет она и, не обращая внимания на удивленный взгляд отца, садится за стол и молча пробегает глазами статью, даже не замечая, как в кухню входит мать и садится напротив. Когда дочь наконец откладывает газету, мать взирает на нее тем же пытливым взглядом, что и отец.

«Что с тобой? – спрашивает она, отпивая из чашки кофе. – Ты так побледнела».

Ответить трудно – перехватило горло, дрожат руки.

---

[5] Паттон, Джордж Смит (1885–1945) – видный военный деятель США. В 1942 году участвовал в кампании в Северной Африке. В июне 1944-го генерал-лейтенант Паттон командовал 3-й бронетанковой армией, действовавшей в Германии, был военным комендантом оккупированной Баварии.

Вот как все началось.

– А теперь закончится, так или иначе, – шепнула она самой себе. Сложила вырезку и спрятала ее обратно в сумочку, вспоминая, как с газетой в руке вернулась в тот день из родительского дома. Как перечитывала статью вечером в постели, пытаясь поверить, что это правда, и утром, едва открыв глаза, будто боялась, что прочитанное может оказаться сном. И вот теперь, после трех недель одиноких прогулок, после трех недель сомнений и неуверенности, она решилась приехать.

Окружающие не могли не заметить ее волнения, однако на расспросы она отделывалась словами о предсвадебном стрессе. Прекрасное извинение – его принимали все, особенно Лон. Поэтому он и не спорил, когда она заявила, что необходимо уехать на пару дней. Подготовка к свадьбе измотала абсолютно всех. Подумать только – полтысячи приглашенных, и в их числе губернатор, сенатор и посол США в Перу. Многовато, на ее взгляд, да только их бракосочетание было громким событием. Новости о нем не сходили со страниц светской хроники с тех пор, как шесть месяцев назад они объявили о помолвке. Время от времени ей хотелось сбежать с Лоном в какую-нибудь глушь и там, без всякой шумихи, пожениться. Да разве Лона уговоришь! Как и честолюбивым политикам, ему нравилось находиться в центре внимания.

Она глубоко вздохнула и встала. Теперь или никогда. Взяла сумочку и подошла к двери. Помедлив секунду, распахнула ее и спустилась по лестнице. Менеджер проводил ее вежливой улыбкой; выходя из отеля, она спиной чувствовала его заинтересованный взгляд. Сев за руль, молодая женщина еще раз взглянула на себя в зеркальце, затем включила зажигание и вырулила на Мейн-стрит.

Ее не удивило, что и через столько лет она прекрасно ориентируется в городе – он был совсем небольшим. Проехав через реку Трент по старомодному разводному мосту, она повернула на усыпанную гравием проселочную дорогу, ведущую к конечной цели путешествия.

За городом начались необыкновенно красивые места. Правда, отличающиеся от тех, к которым она привыкла в Пидмонте, где прошло все ее детство. Земля здесь была плоской, как стол, хотя такой же илистой, жирной, плодородной – идеальной для выращивания табака и хлопка. Эти две культуры да строевой лес и поддерживали на плаву экономику края, заодно придавая окружающим полям невыразимую прелесть.

Казалось, окрестности совершенно не изменились. Закат соперничал яркостью с осенними красками высоченных дубов и гикори. Слева стремились к дороге стальные воды реки и вдруг резко сворачивали, чтобы через некоторое время исчезнуть совсем, поглощенные другой рекой, покрупнее. Да и сама проселочная дорога прихотливо извивалась между старыми фермами, и странно было видеть, что жизнь на них совсем не изменилась со времен дедов и прадедов нынешних владельцев. При виде знакомого пейзажа в душу потоком хлынули воспоминания; сердце сжималось, когда она узнавала давно забытые места.

Солнце повисло над деревьями слева от дороги, женщина завернула за поворот и увидела дряхлую церковь, давно заброшенную, но все еще упрямо стоявшую на своем месте. В то лето она и здесь побывала – искала сувениры, которые могли остаться со времен войны между штатами, – и при виде церкви воспоминания так окрепли, будто все случилось только вчера.

Потом показался величественный дуб на берегу реки – еще один свидетель давно прошедшего лета. Он совсем не изменился – тяжелые ветви низко простерлись над землей, вуалью с них свисал испанский мох. Когда-то, жарким июльским днем, она сидела здесь с юношей, смотревшим на нее с таким обожанием, что можно было забыть обо всем на свете. Вот когда она поняла, что влюбилась.

Он был двумя годами старше, и сейчас, проезжая по дороге своих воспоминаний, она четко припомнила его облик. Ей всегда казалось, что он выглядит взрослее своих лет. В его внешности было что-то от усталого фермера, возвращающегося домой после тяжелого дня в поле. Мозолистые руки, широкие плечи, как у любого, кто много трудится физически, а первые

морщинки уже тогда начали прокладывать дорожки в уголках его глаз – глаз, которые умели читать любое ее желание.

Высокий, сильный паренек с каштановыми волосами, пожалуй, даже красивый, хотя больше всего девушке нравился его голос. В тот день он читал ей вслух; они лежали под деревом, и она наслаждалась его акцентом, мягким и тягучим – как музыка. «Ему бы на радио работать», – закрыв глаза, думала она, а его голос плыл в воздухе, и слова проникали, казалось, прямо в душу.

> Она соблазняет меня растаять в туман и пар.
> Я улетаю, как воздух, я развеваю мои белые кудри
> вслед за бегущим солнцем…[6]

Он перелистывал старые книги с потрепанными страницами, книги, которые сам читал, наверное, тысячи раз. Потом они разговорились. Она рассказала ему, чего хочет добиться в жизни – все свои мечты и планы на будущее, – а он серьезно слушал ее и обещал сделать все возможное, чтобы эти мечты стали явью. Он говорил это с таким чувством, что нельзя было не поверить, и в тот момент она ощутила, как много он для нее значит.

Иногда она просила и его рассказать о себе – он рассказывал или объяснял, почему выбрал то или иное стихотворение и что думает о прочитанном. И все же чаще он молчал, глядя на нее горящими глазами.

В тот вечер они вместе полюбовались закатом, потом съели прихваченные из дома припасы, рассматривая сияющие в небе звезды. Было уже поздно, и она подумала, что родители придут в ярость, узнав, где она провела столько времени. Только странным образом это ее совершенно не взволновало. День был таким необычным, и *он* был таким необычным, и когда они все-таки поднялись и пошли к дому, он взял ее руку в свою, и тепло его ладони согревало ее всю дорогу.

Она повернула еще раз и увидела наконец то, к чему так стремилась. Дом очень изменился по сравнению с ее воспоминаниями. Она сбросила скорость и свернула на длинную, обсаженную деревьями проселочную дорогу, ведущую к цели, которая манила ее от самого Роли.

Медленно подъезжая к дому, она вдруг судорожно вздохнула – на веранде сидел мужчина в рабочей одежде и вглядывался в приближавшуюся машину. Издалека казалось, что он совсем не изменился, а в какой-то момент, когда солнце зашло ему прямо за спину, он словно растворился в окружающем мареве.

Автомобиль осторожно приблизился к дубу, бросающему тень на фронтон дома, и остановился. Не отрывая взгляда от сидевшего на веранде мужчины, она повернула ключ, и двигатель смолк.

Хозяин дома сошел с веранды, двинулся к автомобилю и вдруг застыл, увидев, кто выходит ему навстречу. Долго-долго они стояли, не двигаясь и молча глядя друг другу в глаза.

Эллисон Нельсон, двадцати девяти лет от роду, молодая женщина из высшего общества, обрученная с блестящим адвокатом и приехавшая сюда в поисках ответа на свой вопрос, и Ной Кэлхоун, тридцати одного года, мечтатель и одиночка, увидевший перед собой гостью из прошлого – гостью, изменившую когда-то всю его жизнь.

---

[6] Уолт Уитмен. Песнь о себе. Перевод К. Чуковского.

Встреча

Они смотрели друг на друга и не могли двинуться с места.

Ной потрясенно молчал. Сначала Элли испугалась, что он ее просто не узнаёт, а через секунду уже ругала себя за то, что приехала вот так – без предупреждения. Надо сказать что-нибудь, разбить эту ужасную тишину, но слова застревали на языке, казались глупыми и ненужными.

Воспоминания об их общем лете вновь нахлынули на Элли. Глядя на Ноя, она решила, что он почти не изменился. И выглядит очень неплохо. Хоть на нем обычная рубашка, небрежно заправленная в старые потертые джинсы, под ней скрываются все те же широкие плечи, плоский живот и узкая талия. Загорел так, будто все лето работал на открытом воздухе. Шевелюра чуточку поредела, а в общем – тот же Ной, каким она помнила его все эти годы.

Немного успокоившись, Элли глубоко вздохнула и улыбнулась:

– Здравствуй, Ной. Вот… решила тебя навестить.

Эти слова, казалось, разбудили Ноя; он в изумлении посмотрел на гостью. Потом недоуменно потряс головой и неуверенно улыбнулся в ответ.

– Ты откуда?.. – забормотал он. Потер рукой подбородок. (Небритый – заметила Элли.) – Это на самом деле ты? Поверить не могу…

По голосу Ноя Элли поняла, что он еще не оправился от шока, и вдруг впервые осознала: все происходит на самом деле – она здесь и видит его. Что-то шевельнулось в душе, что-то давнее, казалось, похороненное навсегда, что-то, от чего на секунду закружилась голова.

Элли попыталась взять себя в руки. Она не ожидала, что все будет вот так, все должно пойти по-другому. Она помолвлена. Она приехала не за тем, чтобы… Однако…

Однако…

Однако чувство, несмотря на все ее старания, не только не угасало, а становилось все сильнее, и Элли вдруг снова ощутила себя пятнадцатилетней. Словно и не было прошедших лет, словно все ее мечты еще могут сбыться.

Словно она вернулась домой.

Они молча качнулись навстречу друг другу, движением естественным, как окружающая природа. Ной обвил руками Элли за талию и прижал к себе. Они крепко обнялись, пытаясь поверить в реальность происходящего, и разделявшие их четырнадцать лет исчезли, будто растаяв в предзакатных сумерках.

Наконец Элли чуть отодвинулась и подняла голову. Теперь, вблизи, стало заметно, что Ной все-таки изменился. Лицо стало мужественнее, потеряло юношескую мягкость и округлость. Морщинки у глаз залегли глубже, а на щеке появился шрам. Выражение лица тоже поменялось – оно уже не было по-детски открытым, стало суровее и жестче. И тем не менее в объятиях Ноя Элли почувствовала, как скучала по нему все эти годы.

Они смогли все-таки разжать руки. Элли нервно засмеялась, вытирая полные слез глаза.

– Ну что с тобой? – только и спросил Ной, хотя в голове у него теснились сотни вопросов.

– Прости. Я не хотела плакать…

– Ничего, – улыбнулся он. – Я до сих пор не верю, что это ты. Как ты меня нашла?

Элли сделала шаг назад и поспешно стерла остатки слез, пытаясь взять себя в руки.

– Прочла про твой дом в газете, недели две назад, и решила съездить тебя проведать.

Ной широко улыбнулся:

– Правильно решила.

Он тоже отступил на шаг.

– Господи, да ты потрясающе выглядишь! Еще красивее, чем раньше!

Элли поняла, что кровь приливает к ее щекам. Совсем как четырнадцать лет назад.

– Спасибо. Ты тоже.

И она не лгала. Годы, несомненно, пощадили его.

– Где же ты была столько лет? И почему приехала именно сейчас?

Вопросы вернули Элли к реальности, напомнили, что нужно быть осторожнее, держать себя в руках. Чем дольше длится молчание, тем труднее ответить. А это и так нелегко.

Но, Боже, его глаза! Темные бархатные глаза…

Элли отвела взгляд и глубоко вздохнула, собираясь с силами, чтобы все объяснить. Когда она заговорила, ее голос был тверд.

– Ной, не буду вводить тебя в заблуждение – я и вправду хотела тебя увидеть, но дело не только в этом. – Пауза. – Я приехала не просто повидаться. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

– Что именно?

Элли молча смотрела в сторону, не понимая, почему не может выговорить давно заготовленные слова. Ной почувствовал холодок в груди – что бы она ни сказала, это наверняка его не обрадует.

– Я не знаю, как объяснить… Я думала, это будет легко, и все же сейчас…

Воздух разорвал пронзительный крик енота, из-под веранды выскочила Клем, оглашая окрестности громким лаем. Элли обрадовалась возможности перевести разговор.

– Твой песик?

Ной кивнул, продолжая ощущать напряжение.

– Только не песик. Ее зовут Клементиной. Ну да, моя, чья же еще…

Они молча наблюдали, как Клем тряхнула головой, принюхиваясь, а затем собака бросилась в ту сторону, откуда раздались всполошившие ее звуки. Элли с жалостью наблюдала за прихрамывающей Клем.

– Что у нее с лапой? – спросила она, оттягивая неизбежное.

– Попала под машину несколько месяцев назад. Доктор Харрисон, ветеринар, позвонил мне и спросил, не возьму ли я хромую собаку, от которой отказались хозяева. Посмотрел я на нее и понял, что такую псину усыпить просто невозможно.

– У тебя всегда было доброе сердце. – Элли пыталась говорить спокойно. Она снова помолчала, потом кинула взгляд в сторону дома. – Ты здорово поработал – дом именно такой, каким я когда-то хотела его видеть.

Ной посмотрел туда же, гадая, что же Элли пытается и не может ему сказать.

– Спасибо. Честно говоря, я не подозревал, что это будет так тяжело. Знал бы – ни за что бы не взялся.

– Наверняка взялся бы, – уверенно возразила Элли, вспомнив о том, как Ной был привязан к этому месту. И о том, как он относится к любой работе, или, во всяком случае, относился много лет назад.

Все изменилось с тех пор. Они теперь чужие и смотрят друг на друга совсем иными глазами. Четырнадцать лет не шутка.

– Так в чем же все-таки дело? – Ной повернулся, пытаясь поймать взгляд Элли, однако она упорно смотрела в сторону дома.

– Глупо я выгляжу, правда? – сказала она, изо всех сил пытаясь улыбнуться.

– Ну почему же?

– Сваливаюсь на тебя ни с того ни с сего и при этом сама не знаю, что хочу сказать. Наверное, со стороны я похожа на чокнутую.

– Нет, не похожа, – мягко сказал Ной. Взял Элли за руку – она не сопротивлялась – и предложил: – Хоть я и не догадываюсь, о чем ты хочешь рассказать, но для тебя это нелегко. Давай пройдемся?

– Как раньше?

– Почему бы и нет? По-моему, нам обоим стоит проветриться.

Элли неуверенно посмотрела на входную дверь:

– А тебе никого не надо предупредить?

Ной покачал головой:

– Нет, предупреждать некого. Тут только я и Клем.

Именно такого ответа Элли и ждала, сама не зная почему. Хоть и не могла решить, как к нему относиться. Тем более что после этого еще труднее оказалось поделиться новостями. Живи он не один, ей, пожалуй, было бы легче.

Они медленно побрели в сторону реки и вскоре свернули на тропинку, которая вилась вдоль берега. К удивлению Ноя, Элли освободила руку и пошла поодаль, так, чтобы они не могли коснуться друг друга даже случайно.

Ной внимательно наблюдал за ней. Разумеется, она красива – густые волосы, выразительные глаза, плавная походка – будто плывет над землей. И все же дело было не только в этом, он и раньше встречал очень красивых женщин – женщин, которые, несомненно, привлекали внимание. Однако они были лишены качеств, которые Ной ценил более всего. Ум и уверенность в себе, сила духа и страстность натуры – качества, которые вдохновляют всех и каждого, качества, которые он пытался воспитать и в себе.

Элли была щедро наделена ими в юности, и даже сейчас, когда они просто шли бок о бок, Ной чувствовал, что она не изменилась. «Ожившее стихотворение» – так описывал он ее друзьям.

– Давно ты вернулся сюда? – спросила Элли, когда они начали подниматься на склон небольшого, поросшего травой холма.

– В декабре прошлого года. А до этого работал на Севере, а потом провел три года в Европе.

Элли вопросительно посмотрела на него:

– На войне?

Ной кивнул.

– Мне почему-то казалось, что ты там. Как хорошо, что все уже кончилось!

– Хорошо.

– Ты счастлив вернуться?

– Да. Здесь мои корни. Здесь я на месте. – Он помолчал. – А у тебя какие новости?

Ной спрашивал неуверенно, будто боясь услышать что-то неприятное.

– А я помолвлена.

Он уставился себе под ноги. Так вот в чем дело. Вот что она боялась ему сказать.

– Поздравляю, – выдавил Ной наконец, стараясь, чтобы голос звучал пободрее. – И когда же великое событие?

– Через три недели. Лон хочет, чтобы свадьба состоялась в ноябре.

– Лон?

– Лон Хаммонд-младший. Мой жених.

Ной кивнул, ничуть не удивленный. Хаммонды считались одной из самых влиятельных и богатых семей штата. Хлопок – дело прибыльное. Известие о кончине Лона Хаммонда-старшего появилось на первых страницах газет, тогда как о смерти отца Ноя почти никто не знал.

– Имя знакомое. Отец твоего Лона сколотил неплохое состояние. А сын продолжает семейное дело?

– Нет, Лон – юрист. У него своя контора в центре города.

– С такой фамилией он, наверное, не страдает от отсутствия клиентов.

– Угадал. Работает день и ночь.

Ною показалось, что в голосе Элли прозвучала горечь, и он, не удержавшись, спросил:

– Он тебя не обижает?

Элли ответила не сразу, будто обдумывая вопрос. Потом сказала:

– Нет, Лон хороший. Тебе бы он понравился.

Ною показалось, что слова прозвучали как-то заученно, не от души. А может быть, ему просто этого хотелось.

– Как поживает твой отец? – спросила Элли.

Ной ответил не сразу:

– Он умер в начале года, после того как я вернулся.

– Мне очень жаль, – искренне произнесла Элли, помня, как много значил отец для Ноя.

Он кивнул, и дальше они пошли в молчании.

На вершине холма Элли остановилась и посмотрела на старый дуб, ярко подсвеченный заходящим солнцем. Краешком глаза она заметила, что Ной проследил за направлением ее взгляда.

– Это дерево многое помнит, а, Элли?

– Конечно, – улыбнулась она. – Я проезжала мимо дуба, когда направлялась к тебе. Ты не забыл день, который мы провели под ним?

– Нет, – коротко ответил Ной.

– Часто вспоминаешь?

– Иногда. Когда работаю поблизости. Я ведь купил этот участок.

– Купил?!

– Просто не мог позволить, чтобы в один прекрасный день кто-то срубил наш дуб и наделал из него кухонных шкафчиков.

Элли тихо засмеялась, тронутая его признанием.

– Все еще увлекаешься поэзией?

Ной кивнул:

– Никогда не бросал. Стихи у меня в крови.

– Ты единственный поэт, которого я встречала в жизни.

– Да я не поэт. Читать люблю, а сам так ничего и не написал. Хотя и пытался.

– Все равно ты поэт, Ной Тейлор Кэлхоун, – ласково сказала Элли. – Я часто вспоминаю, как ты читал мне стихи. В первый раз кто-то читал для меня. И честно говоря, в последний.

Ее слова вновь вызвали массу воспоминаний. Они молча повернули назад и пошли к дому другой тропинкой, мимо причала. Солнце опустилось еще ниже, и небо заполыхало оранжевым. Ной спросил:

– Ты надолго?

– Да нет. Уеду завтра-послезавтра.

– Твой жених тут по делам?

Элли отрицательно покачала головой:

– Нет, он остался в Роли.

Ной приподнял бровь:

– И не знает, что ты здесь?

Она снова покачала головой и медленно ответила:

– Нет. Я сказала, что хочу побродить по антикварным магазинам. Он бы не понял, зачем мне нужно к тебе.

Ноя удивил ее ответ. Одно дело – просто приехать в гости, и совсем другое – скрыть это от жениха.

– Не обязательно было приезжать, чтобы сообщить о помолвке. Могла бы написать письмо или позвонить.

– Могла бы. Но мне почему-то хотелось сделать это лично.

– Почему?

Элли заколебалась.

– Не знаю… – отозвалась она, медленно шагая по тропинке, и, судя по ее тону, это была правда.

Некоторое время они шли в тишине – только камешки под ногами похрустывали. Затем Ной спросил:

– Элли, ты его любишь?

– Люблю, – без запинки отозвалась она.

Слово ранило Ноя, хотя в голосе Элли ему опять почудилось что-то не то. Будто бы она старалась убедить себя, что говорит правду. Ной остановился, нежно обнял спутницу за плечи, посмотрел ей прямо в глаза. В них отражался закат.

– Если ты счастлива, Элли, и любишь его, я не буду тебя останавливать. Правда, если в глубине души ты не уверена, лучше не торопись. Назад дороги не будет.

– Я уже все решила, Ной, – ответила Элли, пожалуй, чуть-чуть быстрее, чем следовало.

Он пристально смотрел на нее еще секунду, пытаясь понять, верит ли она самой себе. Потом кивнул, и они двинулись дальше. Через несколько шагов Ной произнес:

– Зря я тебе голову морочу.

– Ничего, – слабо улыбнулась Элли. – Я не в обиде.

– Все равно извини.

– Не за что, правда. Ты ни в чем не виноват. Это мне надо извиняться. Ты прав, нужно было сначала написать.

Ной тряхнул головой.

– И все-таки я рад, что ты приехала. Честно. Так приятно видеть тебя снова.

– Спасибо.

– Как ты думаешь, мы смогли бы все повторить?

Она с недоумением посмотрела на него.

– Ты была моим лучшим другом, Элли. Я хотел бы дружить с тобой и теперь, хоть ты и обручена и хоть это всего на пару дней. Как насчет того, чтобы подружиться снова?

Элли задумалась над его словами. Уехать или остаться? И решила, что раз он знает о ее помолвке, то согласиться вполне прилично. Во всяком случае, в этом не будет ничего страшного. Она улыбнулась и кивнула:

– Идет.

– Прекрасно. Пообедаем вместе? Я знаю место, где подают самых лучших в городе крабов.

– Звучит заманчиво. И где же это?

– У меня дома. Я всю неделю ставил садки, а пару дней назад проверил их и обнаружил неплохой улов. Соглашаешься?

– Конечно.

Ной улыбнулся и указал большим пальцем через плечо:

– Здорово. Они там, у причала. Это займет всего пару минут.

Элли вдруг почувствовала, что неловкость, которую она испытывала с тех пор, как сообщила о помолвке, куда-то испарилась. Зажмурившись, она провела руками по волосам и подставила лицо легкому ветерку. Глубоко вздохнула, задержала дыхание и, резко выдохнув, ощутила, как расслабляются напряженные плечи. Элли открыла глаза и в который раз поразилась красоте здешних мест.

Она всегда любила такие вечера, когда мягкие южные ветра разносят кругом тонкий запах осенних листьев, когда шелестят деревья, и их шелест успокаивает душу. Она посмотрела на Ноя – и вдруг увидела его совсем по-новому, будто он был незнакомцем.

Господи, как он хорош! И это после стольких лет разлуки…

Элли внимательно следила за тем, как Ной потянулся к уходящей в воду веревке и начал выбирать ее. Несмотря на сумерки, она четко разглядела, как ходили мускулы на его руках,

когда он вытаскивал садок. На секунду задержав ловушку над поверхностью реки, Ной сильно тряхнул ее, избавляясь от остатков воды, а потом поставил на доски причала и начал вынимать крабов, одного за другим, складывая их в корзину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.